

ОПАСНЫЙ
ОХОТНИК

ЛИНА МАК

18+

Лина Мак
Опасный Лесник
Серия «Я твой...», книга 1

<https://litres.ru/74478837>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Как ты сюда попала? Ближайшая дорога в пятнадцати километрах, — голос вышел резче, чем планировал.

— Шла.

— Пятнадцать километров по тайге. Одна, — делаю издевательские выводы. — Ты либо самоубийца, либо просто идиотка.

— А может, просто не хотела, чтобы меня нашли, — она вздёрнула подбородок.

— Ну, поздравляю, — оскалился я зло, — не нашли. Ни медведи, ни волки. Так что поднимайся. Опять прогуляемся.

— Зачем?

— Хочу посмотреть, как ты раздеваться будешь, — рявкнул раздражаясь, а девчонка побледнела.

Я выбрал жизнь в глуши не для того, что находить потеряшек, а потом греть их в своём доме. Но с этой явно всё пошло не по плану.

И что-то мне подсказывает, что с того момента, как она переступила порог моего дома, весь мой выстроенный мир, полетел к чертям, потому что я её больше не отпущу!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	37
Глава 5	44
Глава 7	48
Глава 8	53
Глава 9	58
Глава 10	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Опасный Лесник

Глава 1

Леший...

Лес молчал так, как молчит враг перед атакой — настороженно, выжидаяще. Я это молчание знаю лучше, чем звук собственного сердца. Много лет в разных лесах научили: тишина никогда не бывает пустой.

Сегодня она пахла чужаком.

Байкал, помесь лайки с чёртом знает кем, мой единственный друг в этой глуши, заскулила у моей ноги, дёрнула ухом в сторону старой тропы к Медвежьему ручью. Той самой, которую я специально не чищу от бурелома — чтобы туристы да грибники не забредали в мои уголья без спроса.

— Чуешь? — я присел, погладил загривок.

Байкал рванул вперёд, я за ним, снимая с плеча ружьё чисто на автомате — не для того, чтобы стрелять, а потому что привычка сильнее разума. В тайге безоружный человек — не человек, а мясо для тех, кто голоднее.

И всё же чутье не подвело. Через триста метров я увидел её.

Сидела на поваленном стволе, обхватив колени руками, и выглядела так, будто её только что вытащили из фильма ужасов — растрёпанные волосы с застрявшими в них листьями,

порванная куртка не по погоде, кроссовки, насквозь мокрые от осенней грязи. Городская до мозга костей, судя по тому, как она сжалась при виде меня, не как человек, привычный к лесу, а как жертва, ожидающая нападения.

— Ты кто, мать твою, такая? — голос вышел резче, чем планировал. Впрочем, я никогда особо не заморачивался тем, как разговариваю.

Она подняла голову, и первое, что я отметил — глаза. Серые, с вызовом, несмотря на весь этот жалкий вид потерявшегося мокрого котёнка. В них не было страха потеряться в лесу. Там читалось что-то другое.

— А ты кто такой, чтобы спрашивать? — ответила она, и я слегка охренел. — Здесь вроде как общественный лес.

Ты смотри, бесстрашная какая. Я коротко и зло усмехнулся.

— Общественный, значит, — повторил её слова и демонстративно обвёл рукой территорию. — Милая, ты в частных угодьях. Тут вообще-то егерь есть. И это я.

— О, — она моргнула, но быстро взяла себя в руки. — Ну извините, что нарушила границы вашей империи, господин егерь.

Ах ты сучка малолетняя! А то, что она намного младше меня видно невооружённым взглядом. Вот только Байкал, зараза, вместо того чтобы рычать на чужую, подошёл и обнюхал её руку. Предатель.

— Как ты сюда попала? Ближайшая дорога в пятнадцати километрах, — спросил то, что меня сейчас больше всего волновало.

Потому что проблему теперь мне решать. И решения мне, ой как не нравятся.

— Шла, — коротко ответила она, будто это всё объясняло.

— Пятнадцать километров по тайге. Одна, — делаю изде-

вательские выводы, не смягчая слов и разглядываю её внимательнее. Никакого снаряжения — ни компаса, ни воды, ни, судя по виду, элементарного понимания, куда она вообще идёт. — Ты либо самоубийца, либо просто идиотка.

— А может, просто не хотела, чтобы меня нашли, — она вздёрнула подбородок, и в этом жесте было столько неуместной гордости, что я невольно оценил.

— Ну, поздравляю, — оскалился я зло, — не нашли. Ни медведи, ни волки. И ты даже не замерзла от переохлаждения, — я забросил ружьё обратно за плечо и скрипнул зубами, понимая, что выхода нет. — Идти можешь?

— А куда идти? — впервые за разговор в её голосе провалилась настоящая усталость.

Точно дура городская. И какого хрена мне никто не сообщил, что у меня здесь могут быть туристы? Нужно будет набрать Михалычу. Разучился пользоваться аппаратурой, что ли?

— Ко мне. Другого варианта нет, — отвечаю злясь. — Близжайшая деревня в двадцати километрах, а ты и трёх не пройдёшь в таком состоянии.

Она посмотрела на меня — долго, изучающе, будто взвешивая. Странно, потому что обычные городские в такой ситуации либо истерят, либо благодарят со слезами, либо начинают смотреть на меня уже как на маньяка. А эта сидела и оценивала. Как будто у неё был выбор получше моего гостеприимства.

— Ладно, — наконец сказала она. — Но учти, я не какая-то там беспомощная дурочка, которую можно...

— Мне плевать, кто ты, — оборвал я. — Мне важно, что через час стемнеет, а температура упадёт до нуля. Так что поднимая свою задницу.

Она сжала свои губки в плотно, привлекая внимание, но я быстро себя одёрнул. Встала и покачнулась. Я среагировал раньше мысли, поймал за локоть и ощутил, какая она мелкая под объёмной курткой не по размеру. Слишком хрупкая для того, чтобы столько идти по тайге.

— Когда последний раз ела?

— Не твоё дело, — огрызнулась эта мелочь.

— Значит, давно, — резюмировал я и, не спрашивая разрешения, закинул её руку себе на плечо, перехватывая попереёк, прижимая к себе. — Обопрись. Идти два километра, тропа неровная.

Она напряглась от прикосновения — я почувствовал это всем телом, — но не отстранилась. По лёгкой дрожи тела понял, что она слишком устала, чтобы играть в гордость до конца.

Мы шли молча, и я исподтишка разглядывал её. Лет двадцать, может, чуть больше. Слишком юная для тех теней, что залегли под глазами. Слишком дерзкая для той затравленности, что проскальзывала в редких взглядах через плечо — будто она ждала, что кто-то появится из леса следом.

— От кого бежишь? — спросил я, когда дом уже показал-

ся между деревьями.

Она вздрогнула от моего вопроса и напряглась сильнее.

— С чего ты взял, что я бегу?

— С того, что нормальные люди не забредают в глухую тайгу без вещей и снаряжения просто прогуляться, — я толкнул калитку и завёл её на широкий двор. — И с того, что ты за последние два километра три раза обернулась, будто ждёшь погони.

Она промолчала. Это молчание сказало мне больше, чем любые слова.

— Ладно, — я решил не давить. Пока. — Как зовут хоть?

— Мия, — коротко бросила она.

— Мия, — повторил я, будто пробуя имя на вкус. Странное какое-то, не то, что обычно у наших баб. Но это ещё одно подтверждение, что городская. — А фамилия у тебя есть, Мия?

— Есть. Грановская, — в её голосе, несмотря на явную усталость, звякнула сталь.

Я хмыкнул. Характер, значит. Ну-ну.

— Меня Алексей зовут. Или Леший — как местные зовут. — Толкнул дверь дома. — Заходи. Переночуешь, отогреешься, накормлю. Утром решим, что с тобой делать дальше.

Она замерла на пороге, оглядывая дом — просторный, добротный, совсем не похожий на то, что она, видимо, представляла себе жилище лесного отшельника.

Да и это жилище я слишком тщательно делал под себя.

— Ты правда просто лесник? — спросила она, и в вопросе прозвучало неприкрытое удивление.

— Егерь, — поправил я машинально. — А что, не похож?

Она не ответила, но взгляд, которым окинула гостиную, где всё было так, как нужно мне. Камин, добротная мебель, свет и даже ноут на столе, который я забыл закрыть и унести в кабинет, сказал намного больше.

— Заходи уже, — повторил я, уже раздражаясь на себя за то, что вообще ввязался в эту историю. — Холод в дом напускаешь.

Она вошла глубже и снова замерла, вздрагивая в своих мокрых вещах. Осмотрел её, закрыл дверь. Щелчок замка сработал слишком громко для привычной тишины дома.

Мия вздрогнула и резко обернулась ко мне, обхватывая себя за плечи.

— Ну и чего встала? — спросил я, окидывая её взглядом. — Раздевайся.

— Что? — пискнула девчонка и отступила на шаг нервно задышав.

Добро пожаловать в невероятно мощный, сильный, властный и горячий литмоб [«Я ТВОЙ...»](#) ([ТЫК сюда, чтобы попасть в цикл](#))

Вас ждут 9 завершённых историй о том, как мужчины умеют быть теми, кого ты совсем не ждёшь.

Как они начинают любить так, что даже небу ста-

новится завидно!

Как они появляются тогда, когда тебе не нужны. И ты их гонишь в дверь, а они оказываются в твоей постели быстрее (ну или ты в его) намного быстрее, чем в гостиной успевает остыть их след!

Ты скажешь: «Я тебя не просила», а он ответит: «Я твой! И это уже не обсуждается!»

А вот и весь список наших историй литмоба «Я ТВОЙ...»:

Елена Архипова "Безымянный. За гранью прошлого"

Мия Аморе "Первый учитель"

Нина Лелет "Единственный шанс"

Helga Duran "Гадкий мент"

Тэсса Рэй "Опасный профессор"

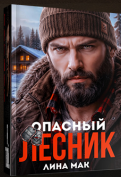
Риша Вольная "Призрак. Темный телохранитель"

Лия Малинина "Циничный пилот"

Лола Магнум "Жестокий решала. Без права на любовь"

Лина Мак "Опасный Лесник"

Литмоб "Я ТВОЙ..."

Глава 2

Мия...

Неделя до...

Квартира отчима всегда напоминала мне музей — дорогой, холодный, с картинами, которые никто никогда не разглядывал по-настоящему. Идеальные интерьеры для идеальной семьи, где каждый играл свою роль настолько долго, что забыл, где заканчивается маска и начинается лицо.

Я играла роль падчерицы. Незаметной, тихой, той, что не отвечает.

Но с каждым днём получалось всё хуже.

— Мия, детка, ты дома? — голос Виктора Аркадьевича разнёсся по коридору, и я почувствовала, как что-то внутри сжимается в комок.

За последний год это «детка» начало звучать иначе. Раньше — формально, отстранённо, как называют мебель, которая просто есть в доме. Теперь в нём появилось что-то липкое, что заставляло меня инстинктивно запираť дверь своей комнаты на ключ даже днём.

— Дома, — отозвалась я, не выходя из комнаты. Может, обойдётся.

Не обошлось.

Дверная ручка дёрнулась, но я, слава богу, давно научилась запираťся. А потом его голос стал ближе, прямо у са-

мой двери:

— Открой, нам нужно поговорить. Мама на работе задержится, я подумал, давай закажем ужин, посидим по-семейному.

По-семейному. Смешно. У нас никогда не было семьи в том смысле, в каком это слово должно звучать. Мама вышла за него, когда мне было четырнадцать — усталая, измученная одиночеством после развода с первым мужем, ищущая стабильность и достаток. Виктор дал ей всё это. Квартиру, машину, статус.

А мне досталась роль довеска, который терпели из вежливости.

До прошлого года. Хотя я всего добивалась сама. Никогда не требовала ничего. И даже училась и поступила сама, не прося ничего.

— Я не голодна, — соврала я, хотя живот скрутило от голода — сидела на диете из чипсов и энергетиков последние дни, экономя на всём, чтобы накопить хоть какие-то деньги.

Брала много заказов у однокурсников, чтобы иметь финансовую подушку. Что-то подсказывало мне, что скоро мне всё это пригодится.

— Мия. — Голос стал жёстче. — Открой дверь.

Я знала этот тон. Знала, что если не открою сейчас, он найдёт способ войти позже — у него был запасной ключ от всех дверей в квартире, включая мою. Лучше уж на своих условиях.

Открыла, встала в проёме и скрестив руки.

— Что?

Он оглядел меня сверху вниз — медленно, оценивающе, так, как не должен смотреть отчим на падчерицу. Я в старой растянутой футболке и домашних шортах, но от этого взгляда захотелось закутаться в одеяло с головой.

— Ты выросла, — произнёс он с той интонацией, от которой у меня по спине пробежал удушающий мороз. — Со всем взрослая девушка стала.

— Мне двадцать один, Виктор Аркадьевич. Я взрослая уже давно.

— Не называй меня так формально, — он шагнул ближе, и я инстинктивно отступила, упёршись спиной в стену комнаты. — Мы же семья.

— Мы не семья, — вырвалось у меня прежде, чем успела прикусить язык. — Вы женаты на моей маме. Это разные вещи.

Что-то мелькнуло в его глазах — раздражение, смешанное с чем-то ещё, от чего мне стало по-настоящему страшно.

— Знаешь, — произнёс он, подходя ещё ближе, так, что я почувствовала запах его дорогого одеколона, — твоя мама рассказывала, что ты никогда не была близка со своим отцом. Что он бросил вас.

— Мой родной отец не бросил меня, — процедила я сквозь зубы. — Он умер. Спасая жизнь.

— Как романтично, — в его тоне сквозил сарказм. — Ге-

роическая смерть. А ты осталась совсем одна, без защиты, без опоры.

— У меня есть мама.

— Твоя мама, — он усмехнулся, — зависит от меня полностью. Дом, деньги, статус — всё это я ей даю. И если я скажу ей, что ты неблагодарная девчонка, которая создаёт проблемы в семье...

Угроза повисла в воздухе, недосказанная, но абсолютно ясная. Я почувствовала, как земля уходит из-под ног. А его взгляд стал похотливым и противным.

— Что вам нужно? — спросила я тихо, хотя внутренне уже знала ответ, отказываясь принимать его.

Он поднял руку, будто хотел коснуться моей щеки, и я среагировала мгновенно — отшатнулась, ударила спиною о косяк.

— Не трогайте меня!

— Мия, — его голос стал вкрадчивым, почти нежным, от чего мне стало ещё противнее. — Ты не понимаешь. Я забочусь о тебе. Больше, чем ты думаешь. Больше, чем должен. И я хочу только благодарности от моей взрослой девочки.

Он всё-таки коснулся — провёл пальцем по моей руке, и этого хватило, чтобы что-то во мне сломалось окончательно.

— Уйдите, — выдохнула я, оттолкнув его руку. — Просто уйдите.

Что-то в моём тоне, видимо, отрезвило его. Он отступил, но взгляд остался прежним, голодным, оценивающим.

— Подумай над моими словами, — произнёс он, разворачиваясь к выходу. — Твоя жизнь может быть намного проще. Или намного сложнее. Выбор за тобой. Пришло время становится взрослой. И кто, как не я, лучше всех помогу тебе в этом.

Дверь за ним закрылась, и я сползла по стене на пол, обхватив колени руками, дрожа — не от холода, от отвращения и страха.

В такие моменты я всегда вспоминала папу. Да, у меня был родной папа. Но мама никогда не была за ним замужем.

Единственное детское воспоминание, которое хранила крепче остальных: мне было лет двенадцать, мы сидим у костра где-то в лесу — он тогда ещё иногда забирал меня на выходные, пока мама не запретила эти поездки окончательно.

Она злилась на него за то, что меня он любил, а с ней так и не смог быть. Я слышала её обвинения в его сторону и пока была маленькой не понимала. Но сейчас... Сейчас я понимаю каждое слово. И могла бы злиться на него, но не могу. Он был лучшим, что было со мной в детстве.

— Мия, — сказал он однажды серьёзно, заглядывая мне в глаза, — если когда-нибудь случится беда, настоящая беда, от которой некуда бежать, и меня не будет рядом. Никого не будет, кто сможет тебе помочь. Обещай мне, что ты найдёшь моего друга. Мраков Алексей. Найди его — и ты будешь в безопасности. Он защитит.

— А почему не к тебе? Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось, папочка! — взмолилась тогда я.

Папа как-то странно улыбнулся. Даже грустно.

— Меня может не быть рядом, дочь. А Лёший защитит.

— Папа не говори так! — взмолилась я, хватая его за руку, а он так ловко перетянул меня на руки, крепко обнимая, окутывая теплым запахом хвои и мха.

— Иногда, моя маленькая, мы начинаем чувствовать что-то странное, что можно оттолкнуть, а можно сделать всё, чтобы обезопасить себя и самых близких людей вокруг себя, — ответил тогда папа тихо, прижимая меня к груди крепче, а я слушала, как ровно бьётся его сердце под моим ухом.

Тогда я не поняла этих слов. А через год папа погиб — спасая того самого друга из горящего здания, о котором рассказывал у костра. Я узнала это спустя время, потому что мама даже не похороны меня не пустила.

Мама тогда была уже в разводе с первым мужем. И быстро вышла замуж за Виктора, а я осталась совсем одна.

Но я помнила. Помнила каждое слово того разговора у костра.

И в ту ночь, сидя на полу собственной комнаты, дрожа от пережитого унижения, я приняла решение. Информацию смогла найти за ночь. И с каждой новой страницей понимала, что найти этого Мракова Алексея, как называл его тогда папа, не так то и легко будет. Но и здесь я оставаться больше не собираюсь.

Мне понадобилось пять дней, чтобы уладить все проблемы с университетом, билетом на автобус и тем, чтобы меня искали как можно дольше.

А потом в одно утро взяла всё, что могла унести в одном рюкзаке, немного денег, накопленных тайком, и билет на автобус в один конец — туда, где, если верить общедоступной информации, находились угодья Алексея Мракова.

И если верить информации, которую я нашла, он теперь егерь в тайге. Ну супер. Хотя, лучше быть сожранной медведем, чем снова дать Виктору к себе прикоснуться.

Я не знала точно, что найду там. А так же не знала, как быть, потому что помнила и то, что папа никогда не брал меня туда, где были его друзья. И я их не видела, как и они меня. Не знала, что я буду говорить.

Но выбора не было. Остаться дома означало медленно тонуть в чём-то, из чего не будет пути назад.

Автобус тронулся, увозя меня всё дальше от города, от Виктора, от прежней жизни.

Я смотрела в окно, как проносятся мимо унылые пригороды, переходящие постепенно в леса, и думала только об одном: пусть это будет правильное решение. Пусть Леший из папиных рассказов действительно существует. И пусть он окажется тем человеком, способным защитить, о котором говорил отец.

А вот и сама Мия

Глава 3

Леший...

Утро выдалось морозным — первый настоящий заморозок за осень, будто природа решила напомнить, что тайга шутить не любит. Я проснулся по привычке в пять, ещё до рассвета, и первым делом вспомнил о незваной гостье в соседней комнате. А ещё её идиотской истерике, которую пришлось пережить мне после собственных слов.

Даже Байкал спрятался под стол от её ора.

Но сейчас странное чувство слишком явно окутало всё внутри — впервые за три года в доме был кто-то ещё, кроме меня и Байкала. Дом словно дышал иначе, зная, что не одинок.

Я прошёл на кухню, поставил чайник на плиту и задумался, разглядывая свой дом глазами постороннего человека. Наверное, для городской девчонки это выглядело странно: добротный сруб, но с генератором на солнечных панелях снаружи, с системой фильтрации воды, с интернетом через спутниковую тарелку — всё то, что я не поленился провести сюда, отказавшись от старого дедовского жилья с земляным полом и печкой-буржуйкой.

Дед бы, наверное, посмеялся над моим «комфортом». Он всю жизнь довольствовался малым, а я после армии, после бизнеса, после всего пережитого не смог отказаться от при-

вычки к определённом уровню жизни, даже уйдя от людей.

Хотя, если честно, дело было не только в комфорте. Просто после стольких лет, проведённых в экстремальных условиях тайги, спасательные операции, потом бизнес с его вечным напряжением, я хотел обычного контроля для своей жизни. Полного, абсолютного контроля над своим маленьким миром. Дом не сложится, как карточный. Отопление не откажет. Здесь я решаю, что произойдёт, а что нет.

Но появление этой Мии пошатнуло слегка контроль. А ведь это всего ночь!

Скрип половиц за спиной заставил меня обернуться. Она стояла в дверях кухни, кутаясь в старый свитер, который я вчера выдал ей вместо мокрых вещей, и он на ней висел, как балахон, доставая почти до колен.

— Доброе утро, — сказала она осторожно, будто пробуя воду перед прыжком, и краснея переступила с ноги на ногу.

— Как спалось? — спросил я, разливая чай по кружкам и даже сам удивился тому, что смог выдавить улыбку.

— Странно хорошо, если честно, — она подошла ближе, разглядывая кухню с тем же интересом, что и вчера гостиную. — У тебя тут прямо... не то, что я ожидала от лесника.

— Егерь, — снова поправил я. — И что ты ожидала? Землянку с буржуйкой?

— Ну... что-то в этом духе, — она усмехнулась, впервые за время нашего знакомства выглядя не как загнанный зверёк, а как обычная девчонка. — А тут прямо цивилизация

в миниатюре.

— Цивилизация мне не нужна, — я протянул ей кружку с чаем. — Комфорт — да. В этом и разница.

Она взяла кружку, наши пальцы соприкоснулись на мгновение, и я заметил, как она отдёргнула руку чуть быстрее, чем требовалось. И вот снова чутье начало нащёптывать мне, что не спроста она вчера устроила мне здесь головомойку и сейчас всё равно дергается.

— Ты голодна? — спросил я, доставая из холодильника яйца и сало.

— Умираю с голоду, — призналась она честно. — Последний раз ела вчера утром.

— Сутки без еды в лесу, — я покачал головой, начиная готовить. — Ты хоть представляла, насколько это опасно?

— Представляла, — она села за деревянный стол, который я сколотил сам ещё в первую зиму здесь. — Но выбора особо не было.

— От кого бежишь, Мия? — я не отрывался от готовки, но краем глаза наблюдал за её реакцией.

Она напряглась, хоть и попыталась скрыть это за глотком чая.

— Личное, — коротко ответила она.

— Личное, значит, — я разбил яйца на сковороду, звук зашкворчавшего масла разрезал повисшую тишину. — Ладно. Но учти — если за тобой кто-то охотится и явится сюда искать, я хочу знать заранее, к чему готовиться.

— Никто не явится, — она произнесла это слишком быстро, слишком уверенно для человека, который на самом деле в это верил.

Я хмыкнул, но давить не стал. Пока. Да и информацию я смогу и сам пробить.

Завтрак прошёл в относительной тишине — она ела жадно, но пыталась делать это аккуратно, будто стеснялась своего голода. А я разглядывал её: маленькая, беззащитная, но в глазах всё равно читалась та же дерзость, тот стержень, который заставил её выжить целые сутки в незнакомом лесу без снаряжения.

— Спасибо, — сказала она, закончив есть. — За еду. За то, что не бросил вчера.

— Не благодари раньше времени, — я убрал посуду в раковину. — Мы ещё не решили, что с тобой делать дальше.

— В смысле? — насторожилась она.

— В смысле, что я не благотворительная организация, — я обернулся, скрестив руки на груди. — Я обещал ночёвку, накормить и не дать замерзнуть. Но не больше. Мне здесь проблемы не нужны. Да и тебя «лично», — говоря я ей, её же словами.

Она замолчала, опустив взгляд на пустую тарелку.

— Не совсем, — призналась наконец. — Я думала... надеялась остаться здесь ненадолго. Пока не разберусь с ситуацией.

— С какой ситуацией, Мия?

— Личной, — повторила она упрямо, и я заметил, как сжались её кулаки на коленях.

Что-то в этом жесте заставило меня смягчить тон.

— Слушай, — я сел напротив неё за стол. — Я понимаю, что не моё дело. Но если ты хочешь остаться здесь хоть на какое-то время, мне нужно понимать хотя бы приблизительно, во что я ввязываюсь. Ты в бегах от закона? От человека? От чего вообще?

Она подняла на меня серые глаза, полные какой-то усталой решимости, и на секунду мне показалось, что она вот-вот всё расскажет.

— От человека, — сказала она наконец. — От... семейной ситуации. Больше пока не могу рассказать. Прости.

— Ладно, — я кивнул, принимая эту недосказанность, хотя внутри что-то настороженно екнуло. Слишком много тайн для такой юной девчонки. — Можешь остаться на несколько дней. Пока не решишь, что делать дальше. Но правила простые: помогаешь по дому, не путаешься под ногами во время работы, и никакой самостоятельности с блужданием по лесу без меня. Это не парк развлечений, это дикая тайга, и она не прощает ошибок.

— Договорились, — она улыбнулась в ответ, настоящей улыбкой, от которой что-то странное шевельнулось у меня в груди. — Спасибо, Алексей.

— Не благодари, — буркнул я, вставая из-за стола, чтобы скрыть неловкость от собственной реакции на эту улыбку. —

И зови меня Лешим, как все. Мне так привычнее.

— Хорошо, Леший, — произнесла она с лёгкой иронией, будто пробуя прозвище на вкус. — Так что у нас по плану сегодня?

Я посмотрел на неё — растрёпанную, в моём свитере, с лохматыми волосами, но при этом с таким внутренним огнём, что невозможно было не заметить, — и понял с внезапной ясностью: моя тихая, отшельническая жизнь только что дала первую серьёзную трещину.

— Сегодня, — сказал я, — буду учить тебя основам выживания. На случай, если решишь снова поиграть в Красную Шапочку без сопровождения.

Она рассмеялась — звонко, неожиданно, и звук этого смеха разнёсся по дому, который слишком давно не слышал ничего подобного.

Байкал у камина поднял голову, будто тоже удивился этому звуку.

Я отвернулся к окну, скрывая непонятную улыбку, тронувшую губы.

Три года тишины дали первую трещину. И, кажется, мне это даже начинало нравиться.

Хотя признаваться в этом самому себе я пока не был готов.

И Леший, собственной персоной:

Глава 4

Мия...

Дом Лешего оказался куда интереснее, чем я могла представить, пока бродила по нему в одиночестве, когда он ушёл на утренний обход участка, оставив меня «не путаться под ногами» по его же выражению.

Я провела рукой по деревянным полкам в гостиной, разглядывая книги. Здесь были не только про выживание и охоту, как ожидала я, но и классика, философия, даже поэзия. Станный набор для человека, которого называют Лешим и который, судя по всему, специально бежал от людей в эту глушь.

Нашла ещё три комнаты. Но одна из них была закрыта. Другая — оказалась ещё одной комнатой. И кладовая.

Но внимание привлёк старый деревянный сундук в углу той самой спальни, которую мне выделили. Я не собиралась рыться в чужих вещах, честно, но крышка была слегка приоткрыта, и краешек чего-то похожего на старую фотографию выглядывал наружу.

Любопытство пересилило воспитание.

Внутри оказалась целая коробочка старых, пожелтевших снимков. Я осторожно перебирала их, и сердце начало биться чаще с каждым новым фото.

Лешего, или Леху, как называл его папа, я узнала сразу.

Молодой, в военной форме, с широкой улыбкой, которую сложно было представить на его теперешнем суровом лице. Рядом с ним ещё несколько парней в такой же форме.

Я переложила ещё одну фотографии я увидела его.

Папа.

Молодой, живой, обнимающий Лешего за плечи с той братской теплотой, которую я помнила по редким моментам его жизни, когда он приезжал ко мне. На обороте выцветшими чернилами было написано: «Власов и Мраков. Два брата-акробата.» И год почти уже не заметен.

Власов. Папина фамилия — та, которую мама так и не разрешила мне взять.

Руки задрожали, когда я держала это фото. Значит, всё правда. Всё, что говорил отец у костра, было не просто красивой историей — это была реальность. Алексей Мраков, Леший, действительно был его лучшим другом, братом.

И он понятия не имел, кто я на самом деле.

Я быстро пересмотрела остальные фотографии — их было много, разных лет, но папа встречался ещё на нескольких, всегда рядом с Лешей, всегда с той же тёплой улыбкой человека, нашедшего настоящую дружбу. На одном из последних снимков они стояли уже старше, серьёзнее, но всё так же обнимали друг друга и улыбались.

Я осторожно убрала фотографии обратно в сундук, стараясь оставить всё точно так, как было, но мысли метались в панике.

Сказать ему сейчас? Раскрыть всё, объяснить, кто я, зачем пришла?

Но что если он не поверит? Или, что ещё хуже — поверит, но воспримет это как манипуляцию, попытку сыграть на его чувствах к погибшему другу ради жалости и крыши над головой?

А что, если он спросит про маму? Но я ничего не смогу ответить. С маминых слов я знаю только то, что они с папой не смогли быть вместе, но аборт он не дал делать и всегда помогал нам. И как я должна сказать? Я дочь твоего друга, ты должен мне помочь?

Слишком много неизвестных, слишком много рисков.

Звук хлопнувшей входной двери заставил меня вздрогнуть, говоря о том, что Лёша вернулся раньше, чем я ожидала. Быстро закрыла сундук, отошла к окну, делая вид, что просто разглядываю утренний туман над лесом.

— Мия? — его голос раздался из коридора..

— Здесь, — отозвалась я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Он появился в дверях спальни в темно-красной рубашке, расстёгнутой на груди, пахнувший морозным воздухом и хвоей, с ружьём за плечом, которое небрежно прислонил к стене.

— Что делаешь? — спросил он, окидывая взглядом комнату, будто проверяя, не тронула ли я чего-то важного.

— Ничего особенного. Разглядывала вид из окна, — со-

врала я, чувствуя, как предательский румянец пытается пробиться на щёки.

Он прищурился, будто не до конца верил, но не стал развивать тему.

— Обед будет готов через полчаса, — сказал он вместо этого. — Потом начнём твоё обучение, раз уж собираешься тут задержаться.

— С нетерпением жду, — я попыталась выдавить улыбку, хотя внутри всё ещё бушевал вихрь эмоций от находки.

Он развернулся, чтобы уйти, но у самой двери остановился, обернувшись.

— Знаешь, — сказал он неожиданно тихо, — у меня когда-то был друг. Очень похожий на тебя по характеру — такой же упрямый, дерзкий, никогда не сдавался, что бы ни случилось.

Сердце пропустило удар.

— Был? — переспросила я осторожно.

— Погиб, — коротко ответил Алексей, и что-то тёмное промелькнуло в его глазах. — Он спас меня, а сам выбраться не успел, — он резко замолчал, будто спохватившись, что сказал слишком много незнакомке.

— Мне жаль, — прошептала я, и в этих словах было куда больше искренности, чем он мог представить.

— Проехали, — он тряхнул головой, отгоняя воспоминания. — Обед через полчаса. Тебе нужно хорошо поесть.

Дверь за ним закрылась, и я осталась стоять посреди ком-

наты, борясь с желанием броситься следом и сказать правду.

Но вместо этого я просто опустилась на край кровати, обхватив голову руками, чувствуя себя запутавшейся в собственной лжи ещё больше, чем прежде.

А за окном лес продолжал жить своей осенней жизнью — равнодушный к человеческим драмам, разворачивающимся в маленьком доме на его окраине.

Глава 5

Леший...

После обеда я повёл Мию на задний двор — туда, где обычно проводил тренировки для редких новичков-помощников, которых иногда присылало лесничество на сезонную работу.

— Первое правило тайги, — начал я, доставая из сарая пару поленьев и топор, — здесь никто не будет спасать тебя, кроме тебя самой. Понятно?

— Романтично, — хмыкнула Мия, кутаясь в куртку, которую я нашёл ей в кладовке.

Эта хотя бы подходила ей по размеру.

— Тайга не про романтику, — я протянул ей топор рукояткой вперёд. — Она про выживание. Умеешь колоть дрова?

— В теории, — она взяла топор неуверенно, явно впервые держа подобный инструмент в руках. — В городе как-то не было практики.

— Так, — я подошёл ближе, вставая позади неё. — Смотри. Ноги на ширине плеч, вес равномерно распределён. Хват не слишком крепкий — иначе руки устанут быстрее.

Я коснулся её плеч, поправляя стойку, и почувствовал, как она напряглась от прикосновения — не от страха, что-то другое читалось в этом напряжении.

— Расслабься, — сказал я тише, чем планировал. — Дрова колоть — не с медведем бороться.

— Легко тебе говорить, — она попыталась пошутить, но голос слегка дрогнул.

Я отступил, наблюдая, как она замахивается — неловко, неуверенно, но с явным упрямством не сдаваться при первой неудаче. Топор соскользнул, полено осталось нетронутым.

— Ещё раз, — скомандовал я. — Смотри на цель, а не на инструмент. Топор сам знает, куда бить, если ты его не мешаешь.

Вторая попытка была лучше, третья — почти удачной. К десятой Мия наконец расколола первое полено пополам, и в её глазах вспыхнуло такое искреннее торжество, что я невольно улыбнулся.

— Получилось! — воскликнула она, оборачиваясь ко мне с сияющим лицом.

— Неплохо для новичка, — признал я. — Продолжай в том же духе.

Следующий час прошёл в относительно комфортной тишине — она колола дрова, я корректировал технику, иногда отпускал сухие комментарии, которые заставляли её огрызаться в ответ с той дерзостью, что уже начинала мне нравиться больше, чем следовало бы признавать.

К вечеру мы перешли к более серьёзным вещам — я показал ей, как разжигать огонь без спичек, как читать следы

на земле, определяя, чьи они и насколько свежие.

— А это чья? — спросила она, разглядывая отпечаток лапы на влажной земле у ручья. — Волк?

— Рысь, — поправил я. — Судя по размеру и глубине следа, крупная особь, взрослая. Прошла здесь недавно, возможно, пару часов назад.

— Она опасна?

— Для человека — редко, разве что сама почувствует угрозу или у неё будут котята рядом, — я присел, разглядывая след внимательнее. — Но лучше знать, что она где-то рядом, чем наткнуться неожиданно.

Мия присела рядом со мной, разглядывая след с неожиданным для городской девчонки интересом, а не отвращением или страхом.

— Знаешь, — сказала она задумчиво, — а мне нравится. Всё это. Лес, тишина, необходимость учиться заново элементарным вещам.

— Странное признание для человека, который сутки назад чуть не замёрз насмерть посреди этой самой тишины, — заметил я, но в голосе не было прежней резкости.

— Может, именно поэтому и нравится, — она посмотрела на меня снизу вверх, и что-то в этом взгляде заставило моё сердце пропустить удар — глупая, совершенно неуместная реакция для человека моего возраста и жизненного опыта. — Здесь всё честно. Опасность настоящая, но и защита от неё тоже настоящая, а не иллюзорная.

Я не нашёл, что ответить на это, и просто отвернулся, поднимаясь на ноги.

— Темнеет, — сказал вместо ответа. — Пора возвращаться.

Вечером, когда мы устроились у камина — я в своём привычном кресле, Мия на полу на подушках, с кружкой горячего чая в руках, — тишина между нами перестала быть настороженной. Что-то изменилось за день, какая-то невидимая грань была преодолена.

— Расскажи о себе, — попросила она неожиданно, глядя на пламя. — Как ты вообще оказался здесь, в такой глуши? Вопрос застал меня врасплох своей прямоотой.

— Долгая история, — уклончиво ответил я.

— У нас впереди целый вечер, — парировала она с той же дерзкой улыбкой, что уже стала привычной за день.

Я посмотрел на неё — освещённую бликами камина, с влажными, после ванной волосами, с тем внутренним огнём, что горел в её глазах, несмотря на все жизненные передрыги, которые явно привели её сюда, — и почувствовал странное желание рассказать ей всё. Всю правду, без прикрас, без защитного цинизма.

Но годы недоверия оказались сильнее этого мимолётного порыва.

— Служил в армии, потом был спасателем в тайге, — сказал я вместо развёрнутой истории. — Потом ушёл в бизнес, разбогател, потерял интерес к жизни в городе. Вернулся сю-

да, где когда-то жил дед. Вот и вся история.

— Слишком коротко для такой насыщенной жизни, — заметила она проницательно. — Что ты пропускаешь?

— Многое, — я отвёл взгляд к огню. — Не всё стоит рассказывать в первый же вечер знакомства.

— Значит, будут ещё вечера? — в её голосе прозвучала лёгкая надежда, которую она попыталась замаскировать под простое любопытство.

Я посмотрел на неё снова, и в этот момент между нами будто проскочила искра — та самая, которую я так старательно игнорировал весь день, списывая на простую человеческую реакцию на присутствие молодой привлекательной женщины после многолетнего одиночества.

— Посмотрим, как долго ты продержишься здесь, — ответил я уклончиво, но уже сам не до конца веря собственной небрежности тона.

Она тепло улыбнулась и вернулась к созерцанию огня, а я поймал себя на том, что не могу отвести взгляд от игры пламени на её лице, от того, как естественно она вписалась в мой дом, в мой быт, всего за один день.

Опасное чувство. Слишком опасное для человека, который поклялся себе больше никогда никому не доверять полностью.

Но огонь в камине трещал уютно, Байкал сопел у моих ног, а рядом сидела девушка, чьё присутствие впервые за долгие годы наполнило дом чем-то похожим на настоящую

жизнь.

Я решил не думать об этом слишком много. Пока.

Глава 5

Мия...

Сон не шёл — слишком много мыслей крутилось в голове после откровений сегодняшнего дня, после найденных фотографий, после того странного тепла, что установилось между мной и Лёшей у камина.

Около полуночи я услышала шаги в коридоре — тяжёлые, неровные, будто человек метался, не находя покоя. Любопытство, смешанное с тревогой, заставило меня встать с кровати и осторожно выглянуть из комнаты.

Он стоял у большого окна в гостиной, освещённый лишь тусклым светом луны. Он был без рубашки, в одних домашних штанах, и в этом полумраке его силуэт казался особенно внушительным — широкие плечи, мускулистая спина, покрытая, как я успела заметить, несколькими шрамами.

— Не спится? — спросила я тихо, стараясь не напугать его внезапным появлением.

Он обернулся резко, будто действительно застигнутый врасплох, и на секунду в его глазах промелькнуло что-то похожее на уязвимость — быстро скрытое за привычной маской сдержанности.

— Старая привычка, иди спать, — коротко ответил он, отворачиваясь обратно к окну.

Но я подошла ближе, несмотря на внутренний голос, со-

ветующий вернуться в спальню и не лезть не в своё дело. Что в нём тянуло меня. Темное, манящее, от чего нужно бежать, но я не наоборот, шла вперёд.

Мы стояли рядом в тишине, глядя на ночной лес, и я чувствовала странное притяжение к этому сложному, израненному человеку — не жалость, а что-то более глубокое, похожее на понимание родственной души.

— Расскажи мне о себе, — попросил он неожиданно хриплым голосом, нарушая молчание. — От кого ты бежишь, Мия?

Я закусила губу, борясь с искушением рассказать всё — и про отчима, и про отца, и про истинную причину, приведшую меня именно сюда, в эту глушь, к этому конкретному человеку. Но страх отвержения оказался сильнее.

— От отчима, — сказала я наконец, выбирая частичную правду. — Он... начал вести себя... Угрожал, если я не соглашусь на его условия.

Леша медленно повернулся ко мне и его лицо потемнело, и я заметила, как сжались его руки в кулаки.

— Какие условия? — спросил он тихо, но в голосе прозвучала едва сдерживаемая ярость.

Но я покачала головой, не готовая пока углубляться в подробности того унижительного разговора.

— Важно, что оставаться дома стало невозможно.

— А мать? Она знает?

— Мама зависит от него полностью, — горько усмехну-

лась я. — Деньги, статус, весь их брак держится на его контроле. Она либо не замечает, либо предпочитает не замечать.

Лёша долго молчал, обдумывая услышанное.

— Останешься здесь, пока не разберёмся с этой ситуацией, — сказал он наконец, тоном, не терпящим возражений. — Никто не тронет тебя, пока ты в моём доме.

Что-то в этой простой, но искренней защите заставило мои глаза защищать от неожиданных слёз.

— Спасибо, — прошептала я.

Он посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом, будто впервые по-настоящему видел, и я почувствовала, как воздух между нами наэлектризовался напряжением, слишком явным, чтобы его игнорировать.

Его рука поднялась, будто он собирался коснуться моей щеки, и я замерла, не дыша, желая этого прикосновения больше, чем готова была признать даже самой себе.

Но в последний момент он отстранился, резко отступив на шаг назад, будто обжёгшись.

— Поздно уже, — сказал он хрипло. — Иди спать, Мия. Завтра рано вставать.

Разочарование, острое и неожиданное, кольнуло где-то внутри груди.

— Спокойной ночи, Леший, — прошептала я, разворачиваясь к своей спальне.

— Спокойной ночи, — донеслось вслед, и в голосе прозвучало что-то похожее на сожаление.

Закрывая дверь своей комнаты, я прислонилась спиной к прохладному дереву, чувствуя, как бешено колотится сердце.

Это что вообще такое? Я пришла сюда чуть больше суток, а рядом с этим дикарём у меня замирает сердце, как никогда не замирало рядом с другими сверстниками.

Он же старше меня почти в двое. Друг моего папы. И вообще, это всё стресс.

А ещё у меня есть секрет, который придётся рассказать ему.

Рано или поздно эта правда всплывёт. И я не знала, что случится потом — приблизит она нас друг к другу или разрушит.

Но одно я знала точно: путь назад, к прежней жизни, был отрезан окончательно. Что бы ни случилось дальше, моё место теперь было здесь, рядом с этим сложным, израненным, но невероятно притягательным человеком, которого мой отец когда-то называл братом и сказал, что она всегда защитит.

Глава 7

Леший...

Две недели пролетели быстрее, чем я готов был признать.

За это время Мия успела превратиться из растерянной беглянки в человека, который действительно начал понимать логику леса. Она уже уверенно разжигала костёр, различала следы основных обитателей тайги, и даже колола дрова почти так же ловко, как я сам — хотя это последнее утверждение, признаться, было небольшим преувеличением с моей стороны.

Дом изменился с её появлением. Не физически, но атмосфера стала другой. По утрам пахло свежесваренным кофе вместо привычного одиночества, вечерами звучал её смех вместо тишины, которую я так старательно культивировал последние три года.

Меня это пугало больше, чем я готов был признать даже самому себе. А ещё то, как я начал реагировать на неё. Всё можно было спихнуть на длительное воздержание. Но я слишком прожжённый, чтобы делать такие идиотские выводы.

— Сегодня стрельба, — объявил я за завтраком, наблюдая, как Мия жадно уплетает пюре с маринованными огурцами.

— Из ружья? — она оживилась, а глаза загорелись энту-

эпизмом. — Серьёзно?

— Если собираешься здесь оставаться на неопределённый срок, — я пожал плечами, стараясь звучать нейтрально, хотя мысль о том, что она может задержаться надолго, вызывала во мне странную смесь тревоги и чего-то похожего на надежду, — должна уметь защититься. Медведи иногда подходят слишком близко к дому.

— Логично, — согласилась она, доедая завтрак с удвоенным энтузиазмом.

Через час мы стояли на импровизированном стрельбище за домом — старом расчищенном участке, где я обычно тренировался сам, поддерживая форму, которую наработывал всё жизнь.

— Так, — я протянул ей ружьё. — Держи крепко, приклад упирается в плечо, не в руку — иначе синяк обеспечен.

Она взяла оружие неуверенно, явно нервничая от одного веса и серьёзности предмета в руках.

— Тяжёлое, — заметила она, пытаясь удержать ровно.

— Привыкнешь, — я подошёл сзади, как делал это уже неоднократно за последние дни во время различных тренировок. — Ноги на ширине плеч. Вот так.

Мои руки легли поверх её, корректируя хват на ружье, и я почувствовал, как она вздрогнула от нашего соприкосновения. В груди стало тесно, а я голове зашумело, но я быстро прогнал этот дурман.

— Плечо расслабь, — продолжил я, стараясь игнориро-

вать собственную реакцию на её тепло тела сквозь тонкую куртку, запах её волос, смешанный с ароматом осеннего леса. — Прижми крепче, но не напрягайся.

— Легко говорить, — пробормотала она, и я почувствовал лёгкую дрожь в её голосе, отличную от обычной дерзости.

Я склонился ближе, чтобы проверить прицел, наши лица оказались в опасной близости друг от друга — настолько, что я мог разглядеть каждую веснушку на её щеках, каждый оттенок серого в глазах, устремлённых теперь на меня, а не на мишень.

Время будто замедлилось.

— Лёш, — прошептала она, и в этом произношении моего имени, а не привычного прозвища, было что-то настолько интимное, что у меня перехватило дыхание.

Мне нужно отойти, но я не отстранился. Наоборот, почувствовал, как непроизвольно склоняюсь ещё ближе, взгляд опускается к её приоткрытым от волнения или предвкушения губам, — я уже не мог различить разницу.

Именно в этот момент требовательно зазвонил спутниковый телефон в кармане моей куртки — резкий, неуместный звук, разрывающий момент, который вот-вот грозил превратиться во что-то, назад откуда пути не было бы.

Я отшатнулся, будто обжёгшись, доставая телефон дрожащими пальцами — реакция, которую списал на неожиданность звонка, а не на прерванный момент.

— Мраков слушает, — произнёс я в трубку, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Звонил Игорь — мой помощник по бизнесу, который иногда связывался по вопросам, требующим моего решения даже после передачи дел.

Разговор занял минут десять. Всё это время Мия стояла молча, положив ружьё, и наблюдала за мной с выражением, которое я не решался расшифровывать.

— Прости, — сказал я, закончив звонок. — Дела прошлой жизни иногда напоминают о себе.

— Ничего страшного, — она пожала плечами, но её голос прозвучал неожиданно разочаровано.

Мы продолжили тренировку, но прежняя лёгкость исчезла, сменившись напряжённой сосредоточенностью на технических аспектах стрельбы, будто оба старательно избегали повторения того опасного момента близости.

Вечером, оставшись один в своём кабинете под предлогом работы с документами, я долго сидел, уставившись в темноту за окном, обдумывая произошедшее.

Тридцать восемь лет. Разница в семнадцать лет между мной и Мией. Сломанное прошлое, неспособность доверять полностью после предательства жены. Все аргументы против были логичны, разумны, неопровержимы.

И всё же образ её приоткрытых губ, ожидающего взгляда серых глаз преследовал меня весь вечер с настойчивостью, которую я не испытывал уже очень давно.

«Я слишком стар для неё,» — думал я, пытаюсь убедить себя логическими доводами. — «Слишком сломан внутри, слишком много боли ношу, чтобы предложить ей что-то, кроме собственных демонов.»

Решение держать дистанцию казалось единственно правильным в тот момент.

Проблема была в том, что моё тело и сердце, кажется, придерживались совершенно иного мнения на этот счёт.

Глава 8

Мия...

После того момента у стрельбища что-то между нами изменилось — не в лучшую сторону, как я надеялась, а совершенно в противоположную.

Лёша стал холоднее, отстранённое, будто специально возводил невидимую стену между нами. Разговоры сократились до необходимого минимума, он теперь тщательно избегал касаться меня во время тренировок, а вечера у камина, которые начали становиться нашей маленькой традицией, прекратились вовсе. Он стал оставаться в кабинете допоздна, работая над какими-то бумагами.

Три дня такого поведения довели меня почти до отчаяния. Боже, Мия ты здесь чуть больше двух недель, а ведёшь себя, будто одичавшая самка!

Но я понимала, что влюбилась — глупо, безнадежно, в человека, который годится мне почти в отцы по возрасту, но чувства не спрашивали разрешения на логику. Каждый раз, когда он входил в комнату, сердце начинало биться быстрее. Каждое его случайное прикосновение оставляло след теплоты на коже, которую я потом мысленно возвращала снова и снова.

А теперь он специально избегал этих прикосновений, будто испугавшись собственной реакции на тот момент у

стрельбища.

Терпеть подобное молчаливое отвержение становилось невыносимо.

В тот вечер, когда он снова заперся в кабинете сразу после ужина, я решила действовать. Провокационно, безрассудно, но по-другому справиться с собственным сердцем не получалось.

Я приняла душ, надела единственную вещь, которая казалась подходящей для задуманного — его рубашку, которую он выдал мне ещё в первую неделю в качестве домашней одежды, и которая на мне доходила почти до середины бёдер, оставляя ноги полностью открытыми. Расчесала волосы, оставив их свободно рассыпанными по плечам, и вышла в гостиную, где горел камин.

Устроилась на полу у огня, специально так, чтобы дверь кабинета была видна, и стала ждать.

Минут через двадцать он вышел — уставший, взъерошенный от многочасовой работы с документами, и замер на пороге при виде меня.

— Мия, — его голос прозвучал напряжённо. — Что ты делаешь?

— Греюсь у камина, — ответила я невинно, хотя прекрасно понимала, какой эффект производит подобная картина.

Он сглотнул, явно борясь с собственной реакцией на увиденное.

— Тебе следует... одеться теплее, — произнёс он наконец,

отводя взгляд в сторону.

— Мне и так тепло, — я поднялась, медленно приближаясь к нему через комнату. — Лёш, что происходит между нами последние дни?

— Ничего не происходит, — резко ответил он, но голос предательски дрогнул. — Просто много работы.

— Врёшь, — я остановилась в шаге от него, глядя прямо в глаза. — Ты избегаешь меня с того самого момента у стрельбища. Почему?

— Потому что это неправильно, — вырвалось у него, будто помимо воли. — Ты слишком молода. Я слишком... сло-ман для чего-то подобного.

— Подобного чему? — настаивала я, хотя сердце колотилось так, будто вот-вот выскочит из груди.

Он молчал, борясь с собой, и я видела эту борьбу в напряжении его плеч, в сжатых кулаках, в потемневших от желания глазах.

— Ты не понимаешь, с кем играешь, — произнёс он наконец хрипло, делая шаг ближе вместо того, чтобы отступить. — Я не тот мужчина, с которым стоит флиртовать невинно. Если перейдём черту, назад пути не будет.

— А кто сказал, что я хочу назад? — прошептала я, чувствуя, как воздух между нами наэлектризовался до предела. Это стало последней каплей его самоконтроля.

Он притянул меня к себе резким, отчаянным движением, и его губы обрушились на мои с той страстью, что копилась,

кажется, с самого первого дня нашего знакомства. Поцелуй был грубым, требовательным, полным подавленного желания, что заставило меня застонать от неожиданности и восторга одновременно.

Его руки скользнули по моей талии, притягивая ближе, и я почувствовала силу его желания, прижавшись к нему всем телом. Пальцы вплелись в его волосы, притягивая ещё ближе, углубляя поцелуй с тем же отчаянием, что читалось в каждом его движении. Стон сорвался с губ, как только его губы оторвались от моих и пошли жалящими поцелуями по лицу, опускаясь к шее.

Но так же внезапно, как начался, поцелуй прервался.

Леша отстранился резко, будто обжёгшись, тяжело дыша, с выражением ужаса и желания одновременно на лице.

— Нет, — прохрипел он, отступая на шаг. — Это неправильно. Прости, Мия, я не должен был...

— Лёша, — я протянула руку, пытаюсь удержать его, но он уже разворачивался к выходу.

— Мне нужно... подышать воздухом, — пробормотал он, хватая куртку с крючка у двери. — Не жди меня. Ложись спать.

Дверь захлопнулась за ним, оставив меня одну в гостиной, дрожащую от неутолённого желания и растерянности.

Я опустилась обратно на пол у камина, обхватив колени руками, пытаюсь осмыслить произошедшее. Поцелуй был реальным, страстным, полным настоящих чувств — я это чув-

ствовала каждой клеточкой тела. Но также реальным был его страх, его отчаянное бегство от собственных эмоций.

За окном сгущалась тьма, а Лёша, судя по всему, ушёл в лес, потому что во дворе я его не увидела.

Я осталась сидеть у камина, глядя на пляшущие языки пламени, и глотая горькие слёзы, которые не хотели заканчиваться.

Глава 9

Леший...

Лес принял меня, как принимал всегда — молчаливо, без осуждения, позволяя выплеснуть тот хаос эмоций, что бушевал внутри после случившегося у камина.

Я шёл без определённого направления, просто позволяя ногам нести меня всё глубже в темноту деревьев, пока дом не остался далеко позади, а единственным светом не стала полная луна, пробивающаяся сквозь редющую листву.

Поцелуй до сих пор жёг губы, будто клеймо. Вкус её желания, ощущение её тела, прижавшегося к моему и болезненный стояк — всё это отпечаталось в памяти с такой яркостью, что игнорировать это становилось невозможно.

Я опустился на поваленное бревно у знакомой поляны — том самом месте, где часто сидел, обдумывая сложные решения ещё со времён военной службы, — и позволил воспоминаниям захлестнуть себя полностью.

Ирина. Моя бывшая жена, которую я когда-то любил с той же безрассудной страстью, что чувствовал сейчас к Мии. Мы поженились рано, ещё до того, как военная карьера забрала меня в опасные командировки на месяцы, иногда годы. Она обещала ждать, клялась в верности, а вернувшись после очередной длительной операции, я узнал правду от общих друзей — она давно была с моим другом Дмитрием, тем самым,

которого я считал когда-то тем, кому готов доверить жизнь.

Предательство ударило по мне сильнее любой физической раны, полученной за годы службы. Доверие, выстроенное годами, рухнуло в одночасье, оставив после себя незаживающую рану недоверия ко всему миру.

А потом был Власов Серёга, единственный человек, которому я доверял безоговорочно после развода. Друг, спасший меня буквально из горящего здания ценой собственной жизни. Ещё одна потеря, добавившая свой вес к тяжести накопленных предательств и утрат.

Стоит ли удивляться, что после всего пережитого я предпочёл отшельничество любым новым привязанностям?

И вот теперь появилась Мия — молодая, дерзкая, с огнём в глазах, способным растопить даже самое ледяное сердце, — и все мои тщательно выстроенные защитные барьеры начали трещать по швам.

«Ты не имеешь права,» — говорил я себе, глядя на луну сквозь ветви деревьев.

— Она слишком молода, слишком чиста для твоих демонов. Ты только сломаешь её, как сломал сам себя.

Но воспоминание о её губах, о искренности желания в серых глазах, противоречило этой логике самобичевания.

Я просидел на поляне несколько часов, борясь с противоречивыми мыслями, пока холод осенней ночи не начал пробирать даже сквозь плотную куртку. Только тогда решил вернуться домой.

Дом встретил меня темнотой. Камин давно погас, только тлеющие угли напоминали о недавнем пламени. Я прошёл в свою спальню, намереваясь просто рухнуть в кровать и попытаться уснуть, несмотря на бушующий внутри хаос эмоций.

И замер на пороге.

Мия спала в моей кровати, свернувшись калачиком под одеялом, всё ещё в моей рубашке, с волосами, разметавшимися по подушке. Видимо, пришла сюда ждать моего возвращения, но усталость взяли верх, и она уснула, так и не дождавшись меня.

Что-то в груди сжалось при виде этой картины. Я подошёл ближе, тихо, стараясь не разбудить её, и просто стоял, разглядывая спящее лицо, разгладившееся от привычной дерзости в моменты покоя, делая её моложе, беззащитнее.

Осторожно поправил одеяло, укрывая её плечи от возможного холода, и почувствовал, как что-то тёплое и знакомое разливается в груди — чувство, которое я тщательно избегал последние годы, боясь очередного разочарования.

— Что мне делать с тобой? — прошептал я тихо, зная, что она не услышит, погружённая в глубокий сон.

Она пошевелилась во сне, что-то невнятно пробормотав, и повернулась ближе к тому месту, где я стоял, будто инстинктивно тянулась к моему присутствию даже в бессознательном состоянии.

Я долго стоял так, разглядывая её, борясь с желанием лечь

рядом, обнять, почувствовать её тепло без всяких дальнейших последствий, просто ради самого ощущения её рядом.

В конце концов, здравый смысл — или то, что от него осталось после сегодняшнего вечера, — победил. Я тихо вышел из спальни, устроившись на диване в гостиной, накрывшись пледом, но сон долго не шёл, память постоянно возвращала образ спящей в моей постели девушки.

Утро наступило слишком быстро, принеся с собой не только рассветные лучи, пробивающиеся через окна гостиной, но и неотвратимое понимание — что бы я ни говорил себе прошлой ночью, отрицать растущую привязанность к этой девушке становилось всё сложнее с каждым прожитым вместе днём.

Глава 10

Мия...

Утро началось с неловкости, которую оба старательно пытались скрыть за обычной рутинной.

Я проснулась в его кровати, одна, с воспоминанием о том, как заснула, ожидая его возвращения из леса. Судя по смятому пледу на диване в гостиной, Лёша провёл ночь именно там, предпочтя неудобство дивана лежанию со мной в одной постели.

И я могу выдать это за то, что он оберегает меня, но что-то внутри неприятно скребёт.

За завтраком мы оба старательно избегали темы вчерашнего вечера, обсуждая планы на день с той деловитостью, что выдавала обоюдную неловкость куда чётче любых слов.

— Хочу показать тебе дальний участок угодий, — сказал Лёша, допивая кофе. — Там есть места, которые мой дед особенно любил. Думаю, тебе будет интересно.

— С удовольствием, — согласилась я, чувствуя лёгкий трепет от перспективы провести день вместе, вдали от дома, от привычной рутины тренировок.

Мы отправились в путь сразу после завтрака. Лёша уверенно вёл меня по едва заметным тропам, которые, казалось, знал наизусть, рассказывая по пути истории о деде, о детстве, проведённом в этих местах.

— Дед был военным, — рассказывал он, пока мы пробирались через густой ельник. — Прошёл всю Великую Отечественную, видел столько ужасов, что хватило бы на несколько жизней. А потом выбрал именно это — жизнь в тайге.

— И ты не понимал зачем, — вспомнила я его слова из первого дня нашего знакомства.

— В юности — нет, — признался он. — Мне казалось это бегством от жизни, трусостью даже. А теперь...

Он замолчал, не заканчивая мысль, но я поняла и без слов — теперь он сам стал тем человеком, ищущим спасения в тишине леса.

Мы добрались до небольшого водопада, спрятанного среди скал, места настолько красивого, что я невольно замерла, разглядывая игру солнечных лучей в брызгах падающей воды.

— Дед приводил меня сюда каждое лето, — тихо сказал Лёша, останавливаясь рядом. — Говорил, что здесь особая энергетика, способная излечить любые душевные раны.

— И помогло? — спросила я, глядя на него, а не на водопад.

— Не знаю, — честно ответил он, встречая мой взгляд. — Но здесь я чувствую себя ближе к пониманию того, почему он выбрал именно такую жизнь.

Я замерла смотря в его глаза, но не успела и шаг сделать, как внезапный раскат грома вдалеке заставил вздрогнуть. Судя по стремительно темнеющему небу, гроза приближа-

лась гораздо быстрее обычного.

— Чёрт, — выругался Лёша, оценивая обстановку профессиональным взглядом. — Не успеем вернуться домой до начала ливня. Придётся переждать в старой избушке — она недалеко отсюда, минут десять пути.

Мы поспешили в указанном направлении, но гроза настигла нас раньше — первые крупные капли дождя обрушились на землю как раз в тот момент, когда впереди показалась старая охотничья избушка, покосившаяся от времени, но всё ещё крепкая.

Влетели внутрь буквально за секунды до того, как небеса разверзлись настоящим ливнем, сопровождаемым яростными раскатами грома и вспышками молний.

— Успели, — выдохнул Лёша, отряхивая капли дождя с волос.

Изнутри избушка оказалась неожиданно уютной — небольшая печка, старая кровать, покрытая пыльным, но целым пледом, несколько полок с остатками охотничьих припасов.

— Дед иногда ночевал здесь, если охота затягивалась допоздна, — объяснил он, начиная разжигать печку привычными, отточенными движениями.

Гроза бушевала снаружи с нарастающей силой. Молнии освещали маленькое окно избушки яркими вспышками, гром грохотал так близко, что стены, казалось, вибрировали от каждого удара.

Я поёжилась — то ли от промокшей одежды, то ли от электричества, витающего в воздухе, как физического отражения того напряжения, что нарастало между мной и Лёшей с каждой минутой вынужденного нахождения в этом крохотном пространстве.

— Замёрзла? — спросил он, оборачиваясь от разгорающейся печки.

— Немного, — призналась я, хотя причина дрожи была куда сложнее простого холода.

Он подошёл ближе, снимая с себя куртку и накинул её мне на плечи.

— Держи. Печка скоро согреет помещение.

Его руки на мгновение задержались на моих плечах дольше, чем требовала простая забота, и я подняла взгляд, встречая его тёмные, полные того же напряжения, что бушевало во мне, глаза.

Очередная вспышка молнии осветила избушку, за ней последовал оглушительный раскат грома, заставивший меня инстинктивно шагнуть ближе к Лёше, ищущий защиты в его присутствии.

— Мия, — прошептал он хрипло, и в этом единственном слове было столько сдерживаемого желания, что у меня перехватило дыхание.

— Леша, — выдохнула я в ответ, поднимая взгляд к его лицу, освещённому теперь лишь тусклым светом разгорающегося в печке огня.

Гроза снаружи достигла своего пика — молнии и гром сливались в единую симфонию природной стихии, отражающей ту бурю эмоций, что назревала между нами.

— Я не могу больше бороться с этим, — произнёс он тихо, поднимая руку к моей щеке.

— Тогда не борись, — прошептала я, прижимаясь к его ладони.

Это стало последней каплей его самоконтроля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.